

Олег Вацаев

Смени обстановку

Рыболовный трал захватывает
всё на своём пути.
Не скреби дно, не цепляй хлам.
Переделай сети.
Не убивай на палубе,
если не можешь перевезти.
И будет тебе счастье
на этом свете.

Ветра не хватит—
пойдём под моторами.
Полный вперёд, а пока,
как «Крузенштерн»,
на покой пришвартованы
и ожидаем броска.
Редко штормит
и бушует, но пенится,
шепчется, лишний, шальной.
С утренним дождиком
всё переменится,
Скроется пляж за волной.

И Лермонтов стихами
спасался от тоски?
Спасаемся мы с вами,
а он любил стихи.
Что любишь, тем и будешь.
Не комкай, разверни.
Земное—наносное,
автопортрет в тени.

Талант

Любовь нельзя приобрести
за деньги. Это—дар.
Пойди больного навести,
ослабь озноб и жар.
Однажды кончится завод
и пропадёт запал.
Устаревает перевод,
но не оригинал.

Гляжу на Никольский собор, где стык
Грибоедова с Крюковым, над мостами.
Как целуют ангелы Божий лик,
как танцуют они и поют над нами.
На полёты ангелов наяву.
Ничего не выдумываю. Живу.

Получив нагоняй от жены,
с лёгким чувством вины
уйди в «автономку»,
смени обстановку.
Дней на восемь. А дольше—ни-ни.
Меньше тоже не стоит. Шагни
в неизвестность—найдёшь Незнакомку.
Ну, проваливай и принимай.
Не волнуйся. Чего не бывает.
Разомнётся и скажешь: «Бай-бай».
А жена... пусть немного отгает.
Пусть она от тебя отдохнёт.
Вероятно, помиритесь вскоре.
Расставанье бодрит, словно мёд
с молоком или лёд в кока-коле.
Не ханжа, не сквалыга? Дерзай!
За охотой приходит желание.
Не настаивай. И не бросай.
И ещё пригласи на свидание.

Хемингуэй—натуралист.
Но поэтизмы монологов
тонально связывают с Богом
его художественный свист.
О том, что человек не тварь
дрожащая, но, плоть от плоти,
надолго замерший на взлёте
Природы раб и государь.
Хемингуэй—минималист,
но как никто знакомый с делом.
Затворник так владеет телом
и «донжуан» душою чист.

Исход

«Медный всадник», отточия в тексте.
Петербургская повесть без слов,
за которые Главный Редактор
поручиться, конечно, не мог.
Слава Богу, потом оправдался,
разрешил втихаря проводить.
Гордый конь под Петром извивался.
Святогорец не стал лебезить.
Каждый знает, где он захоронен,
но не каждый — где прах погребён.
Пушкинист сомневаться не склонен,
посвящённый удовлетворён.
По указу приняв «под раздачу»,
по уставу решили судьбу,
с перстеньком — на размен и удачу —
отпевая в закрытом гробу.
И лежит между Лаврой и Горным,
каменя, заложник табу.
Самый вольный из нас поднадзорный,
с лучезарною дельтой на лбу.

● ● ●
Неназываемо и еле уловимо,
неузнаваемо и не завершено —
шумит листвой, неслышно и ранимо,
Крестовский остров, светлое пятно
на пёстром фоне тесной Петроградки,
где старый фонд напоминает сад,
который вырубают без оглядки,
того, что было, помнить не хотят.
А там такие тайны и загадки!
Волнует сердце каждый адресат.
Но наступает новострой на пятки,
и новодел сверкает невпопад.
Но вечный дух пока не оставляет
седое небо редкой синевы.
А стройплощадка темпа не сбавляет,
«не догоняя» офисной Москвы.
Но походить и вкладываться тщетно.
Всё в Петербурге тоньше и острее.
Москва — вулкан — Везувий, даже Этна!
Москва растёт значительно быстрее.
Уходит вдаль и ввысь перспектива
от Петроградки в Царское Село.
Москва эффектно «прыгает с обрыва»,
и никому так долго не везло.
И храм Христа Спасителя по пояс
Петру, когда по Крымскому мосту
спешишь под звон, перебирая в голос
молитвы, отмечая суету.
Не взвешенно-возвышенно, упорно
топорщится какой-нибудь изъян.
Растут коробки из гипсокартона
По воле «асов» из соседских стран.

● ● ●
Кручусь-верчусь на всякий случай.
Работаю на «чёрный день».
Лошадка или гад ползучий,
древесный жук, лесной олень,
Девиз живучести: живой!
И человек — как заяц шустрый,
как торопливый муравей.
Но от любви приходит в чувство.

● ● ●
Диалоги не просто «ведут» рассказ.
Диалоги — его каркас.
Фееричные, как дорогой фарфор,
практичные, как фаянс.
Изысканно свиты, что зимний сад
в пентхаусе, за стеклом.
Доверчивы, словно прощальный взгляд,
оставленный «на потом».
Раздражающе камерно-высоки,
фамильярно-фривольны, «в лоб».
Выразительно «капают» на мозги,
загибая прикольные стёб.
Переменчивы, словно подъём и спад,
подозрительны, как вердикт.
Ядовиты, как самый отборный мат,
когда решают конфликт.
Диалоги не портят, но придают
рассказу особый шик,
и даже творческий абсолют
становится многолик.
Соблазнительно? Именно! В полный рост,
Эльбрус речевых поряд,
охвачен тембрами ярких звёзд,
глагольным духом высот.

Мода

Вам пышность шла, телесна нега.
Зачем же Вы, куда телега
европофэшн экшн стайл?
Неужто Вам себя не жаль?
Сгорело то, что было мило.
Не в худобе, а в чувстве сила!
Вне поля зрения страстей.
Когда душа видней костей.
Зовут на подиумный глянец.
Стал бодиартовым румянец.
У индустрии нет лица.
Там Образ хуже образца.
Телега моды мчит по топям,
галопом по европотопам.
И фаворитками её
всегда становится «новьё».

● ● ●
Шире «розетка» — слышней верхи.
Меньше — сильней басы.
Бей со срывом, срывай штрихи,
но не губи низы.
Теннисный мяч, вылетая вспять,
пересекает корт.
Перехвати, удержи, заглядь
ноту, расправь аккорд.
«Дохнут» струны, несётся пас:
молния, следом — гром.
С двух долей — нисходящий бас
в приступе ногтевом.

● ● ●
В Петербурге дым пожиге,
тише ночи, дни короче.
Оккупировали крыши,
где грифон и ангелочек,
крест и купол позолочен,
а чердак не заколочен...
Гиды, с тайнами чужими.
Гости, жадные до тайн.
Лезут стайки небольшие
обитателей окраин.
Петербург — краса и мекка —
сплав костей среди гранита
сверхбесчувственного века,
но с парижским колоритом.
Шпарит польки, увертюры
Штраус Павловского леса...
Европейская культура
азиатского замеса.

● ● ●
Озябшая душа
так тянется к теплу,
как будто говорит:
иначе я умру.
Наверное, судьба —
лететь на огонёк
тому, кто одинок,
к тому, кто одинок.

Покров

Нравится шорох листьев и веток хруст
утром, когда немножечко подморозит.
Лишнего — ничего. Только душа и осень.
Искренность мыслей рождает открытость чувств.
Солнышко ближе к полудню. Свет маяка
не греет, но отражается в листопаде.
Над головой — вензеля, как в моей тетради.
Непостижимо близко плывут облака!

● ● ●
Слушай внутренний голос.
В нужный момент это он говорит: «Беги».
Вгоняет в краску, окрыляет твои шаги.
Намекает, что лишнего легче не занимать,
чем потом обменивать, отнимать.
Исключительный личный опыт, самоконтроль.
Лишнее разъедает, как ржавчина или соль.

Мансарда

Почему я пишу об этом?
Заполняю пустоту в своём сердце.
Первый день двадцать первого лета
второго тысячелетия от Рождества.
Вид из окна мансарды
на канал Грибоедова:
ясные купола, молочные облака.
Улететь — пожалуйста,
такое тоже возможно.
Покружишь бумажным змеем,
повисишь в облаках,
если, конечно, облачно. Если солнце,
молчи и радуйся позолоте на куполах.
Голуби, говоришь? Мешают голуби?
Разве это они горланят, бузят внизу?
Ноги держи в тепле, голову в холоде.
И, пожалуйста, не обращай внимания на бузу.
У тебя — закаты! А зори здесь — тихие!
Ночи белые или полные ярких звёзд.
Светлая грусть — это катарсис.
Люди, конечно, дикие.
Но когда улыбаются — радуются до слёз.